

Истории малиновые звоны, или Поле русской славы и трагедии

Памяти Валерия Замыслова

Получил печальную весть из Ростова Великого: скончался крупнейший русский писатель-историк В. А. Замыслов, с которым меня связывали десятилетия тесной творческой дружбы и глубокого взаимопонимания.

Еще в 1981 году я познакомился с Валерием Александровичем на писательском историко-литературном форуме в Москве, и с тех пор наша дружба, подкреплённая живым единомыслием во взглядах на русскую литературу, искусство, бытие в целом, всё более крепла.

В 1991 году я выпустил небольшую книгу о его ярком самобытном творчестве — «Истории малиновые звоны (Слово о Валерии Замыслове)». Несколько студентов-филологов Тверского университета написали и успешно защитили дипломные работы по пронизанной актуальнейшими вопросами современности публицистике Валерия Александровича.

О романах и повестях писателя громко заговорила литературная критика, читательская публика, пресса. Причём оценивали книги В. Замыслова отнюдь не однозначно, как не однозначно судят о нашей истории люди разных позиций и идейного настроения. Тем больше рос острейший интерес читателей к этому «провинциальному» писателю, разве что уступающий по своей попу-

лярности имиджу знаменитого Валентина Пикуля.

Помню, однажды я получил письмо из США от журналиста русского происхождения Валерия Герасимова. Тот меня одновременно ошеломил и насмешил своим вопросом: «Правда ли, что под именем Валерия Замыслова скрывается некий русский диссидент, тайно переехавший к нам в Америку, спасаясь от преследования КГБ? Уж больно популярен за океаном Замыслов. В Нью-Йорке его книг не достать даже за большие деньги!..»

Пришлось отвечать Герасимову: мол, интерес жлобов-американцев к русской литературе меня очень радует. А того Валерия Замыслова — писателя, которого нарахват читают в Нью-Йорке, я не знаю. Хорошо знаю «другого» Замыслова, русского писателя-патриота, и, насколько мне ведомо, ехать в Америку не помышляющего. Ему и у нас хорошо, хотя и трудножато живётся...

* * *

Валерий Замыслов всю жизнь провёл в «глубинке» — в маленьком городе с былинной историей — Ростове Великом Ярославской области. Древняя русская земля и на ней человек — главный объект художественного осмысления у писателя. Ей он посвятил свою раннюю повесть «Земной поклон» — о драматической судьбе современной нечер-

нозёмной деревни и первый крупный роман «Белая роща».

«Свой первый рассказ я опубликовал в «районке», — рассказывал Валерий Александрович. — Кстати, районная газета стала моим вторым литературным наставником. Был корреспондентом, заведующим сельхозотделом, зам. редактора, а затем и редактором газеты. Именно в «районке» постигались первые азы творчества, именно здесь начинаешь пристально вглядываться в жизнь, полную страстей, кипучих районных будней, непрдуманых конфликтов, трудового героизма, зачастую незримого, не лежащего на поверхности, но каждодневного, упорного, освящённого руками хлебороба-писателя, — и одновременно человеческого падения, мерзости, т. е. обратной, негативной стороны бытия, от которой тоже пока никуда не деться... Тема хлебороба и русского крестьянства привлекала меня с раннего юношества, сочинять же начал с детских лет, и в этом большую роль сыграла моя мать — дочь волжского бурлака-«зимогора». Мать унаследовала от него множество сказок, былин, легенд, преданий, пословиц и поговорок. Свой фольклор она щедро передавала нам — детям...»

И всё-таки не современная деревня с её нелёгкой ухабистой судьбой прочно захватила и повела за собой писателя, а то, как складывалась крестьянская душа и судьба на протяжении столетий, в историческом движении и пространстве, от поколения к поколению.

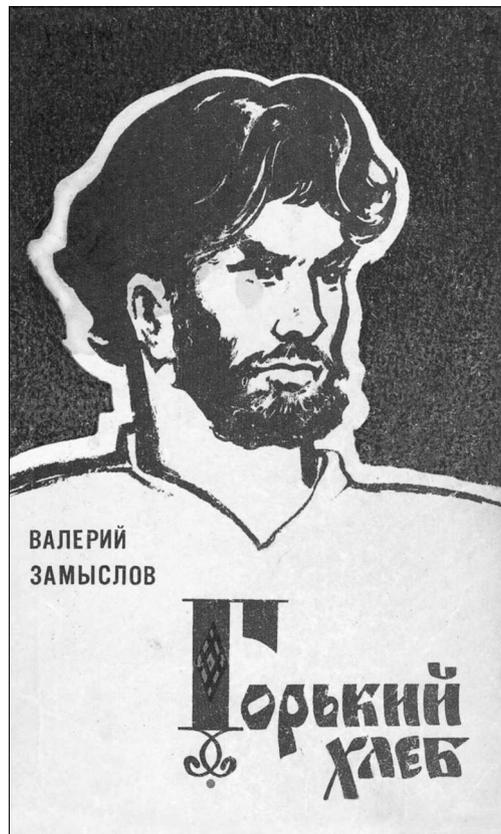
«Земной поклон» и «Белая роща» — это первые небезуспешные подступы писателя

к главной своей теме — русской национальной истории, изобилующей трагическими и светлыми страницами, неизбывным горем и страданиями людей и, наряду с этим, замечательными памятными событиями, созидательными трудовыми буднями. Крестьянская жизнь в глубоком историческом срезе воплотилась в крупных романах — «Набат над Москвой», «Горький хлеб» и «Иван Болотников» (эпопея-трилогия).

* * *

Иной читатель может скептически заметить: мало ли, мол, нынче литераторов увлечены историей?.. Мелькают десятки имён, сотни романов и повестей, едва ли меньше снято на историческую тематику кино- и телефильмов. А трогают ли они душу? Правдивы ли они? Часто герои русской истории предстают такими кровавыми монстрами, омерзительными и зловещими губителями своей страны и народа. Нынче повелось с каким-то чудовищно нелепым сладострастием унижать

и оплёвывать русскую древность, героические деяния наших отцов и дедов. Дошло до такого кощунства, что даже герои Великой Отечественной войны — маршалы и генералы, рядовые солдаты, партизаны, подпольщики — порой подвергаются осмеянию, сатирическому «разоблачению» и т. д. и т. п. Кажется, в преднамеренном и варварском уничтожении нашей родной истории мы уже дошли до крайней черты. Но проходит день-другой — и снова появляются «шедевры», авторы которых, кажется, с момента своего рождения были перманентными пациентами психоневрологических клиник...



С таким суждением трудно не согласиться. Тем ценнее в этом разлитом море пресловутой фэнтези духоподъемная сила подлинной историко-патриотической литературы, несущей правду, внушающей современнику чувства добрые, прекрасные, вечные. Именно к такой ценностной, качественной литературе относятся исторические романы и повести Валерия Александровича Замыслова.

Важнейшая особенность исторического взгляда на факты и явления прошлого у Замыслова, особенность, определившая историзм его художественного мышления, — бережное, чрезвычайно чуткое, до трепетности, отношение к памяти предков, что находит своё выражение в прекрасном знании и чувствовании языка предтеч, их нравов и образа мысли, бытия и бытования, нравственности и культуры, то есть то, что воплощает в себе слово «нация» в её историческом и национальном понимании.

Исторические повествования В. Замыслова во многом восполняют те чудовищные провалы в нашем сознании, что прямо связаны с невежественным отношением к своему прошлому, к памяти предков. Лишь недавно мы воочию убедились, сколько «белых пятен» таит в себе наша героическая национальная история, и, прежде всего, благодаря замечательным патриотическим книгам писателей: В. Чивилихина, Э. Скобелева, Д. Балашова, В. Личутина, В. Ганичева, А. Знаменского, В. Шукшина, В. Возовикова и многих других. Проза В. Замыслова тесно сопрягается в контексте современной историко-повествовательной, героико-патриотической литературы имен-

но с этими авторами, слитературой, призванной словно бы вернуть субъективно обесцененные чьей-то бездушной и невежественной рукой факты и события в лоно наших вечных, нетленных национальных святынь. Её гражданский патриотический дух вытекает из самой тематики, обращённой к незабываемым страницам эпически-былинного времени, из героико-романтического мышления автора и фольклорных традиций, которым он неуклонно и последовательно следует.

Вот, скажем, фигура легендарного казака Ивана Болотникова. Что знаем мы о нём? В школе «проходили» восстание под его предводительством. Из этих скудных сведений в сознании вырастает этакий стальной, как монолит, и безупречный во всех отношениях «классовый борец» за простой нищий народ!.. А прочитаешь роман Замыслова — и открывается совершенно новый, широкий и многообразный, не зафиксированный ни в каких учебниках русский мир, прочита-

ешь — и поймёшь, сколько неизвестного, таинственно прекрасного, поучительного и даже мистического осталось «за кадром» в школе... Сколько тяжестей перенёс наш народ в далёком прошлом, сколько невообразимых испытаний переживает сегодня, но живёт и верует в свою счастливую звезду, которая недостижимой серебряной точкой мерцает в бездонном небе...

Вот, к примеру, в наше время много говорят и пишут о бессмертной памяти Великой Отечественной войны. Звучат хорошие пламенные речи. Немало городов по праву удостоились чести именоваться городами Воинской славы. Маршал Победы Г. К. Жуков



причислен Православной церковью к лику святых.

Всё это радует. Но, честное слово, будь моя воля, я бы все русские славянские города и сёла, освобождённые Красной армией от гитлеровских полчищ, удостоил бы чести быть городами и селами Воинской славы!.. А всех тех, кто погиб и был тяжело ранен, кто мучительно страдал и умер в фашистских застенках, кто честно и преданно трудился во имя Победы, воевал за Отечество, «поркомендовал» бы Русской Православной церкви причислить к сонму святых — ей-богу, они того заслужили. Вся Россия достойна быть названной Святой Землей!..

В. А. Замыслов сообщал мне: «Я так и не смог написать самую мучительную для меня сцену — сцену жестокой казни моего любимого героя — Болотникова. Уж чересчур сроднился за 20 лет работы я с этим образом, уж чересчур он мне дорог. Он как бы стал моей плотью и кровью. Его радости стали моими радостями, его горе — моим горем. Его боль — моей болью. Искренне верю Василию Шукшину, который рыдал, когда описывал сцену казни Степана Разина. Верю! Ведь он казнил самого себя, свою душу, ожесточённую в борьбе со злом и одновременно такую трепетную, ранимую, широко распахнутую для добра. Надо же, какая связь времён! И сколько тут раздумий для истинно русского человека!..»

...У меня хранятся письма от Валерия Замыслова. Все они преисполнены глубокими размышлениями о России, русском народе, о нашей трудной вековой доле и вместе с тем пронизаны светлой, одухотворяющей верой в его счастливое будущее. Иначе и быть не должно: подлинно русский писатель не может отделить свою судьбу от судьбы Отечества, ибо он плоть от плоти своего народа, своей Родины.

Не раз мы говорили с Валерием Александровичем о путях и перепутьях русской истории, о трудных условиях существования литературы и русского писателя в наше время, об отчуждении образования от национально-патриотических идеалов и

традиций, что губительно сказывается на поведении нынешней молодёжи...

— История — предмет чрезвычайно хрупкий и чутко резонансный ко всякого рода идеолого-политическим колебаниям, — рассуждал Валерий Александрович. — Но это вовсе не значит, что к ней применима дешёвая политическая конъюнктура. История — это живая душа общества. С ней надо обращаться очень бережно, уважать надо свою историю как живую личность. Увы, не всем дано глубоко мыслить и принять классическое изречение великого Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Не уважать оную — есть постыдное малодушие». Вот, скажем, повелось измерять наше историческое и культурное существование одним тысячелетием, начиная с эпохи великого крестителя Руси князя Владимира Красное Солнышко. А что было на Руси до её крещения? Ведь наши национальные корни куда как глубже и ветвистее, уходят в глубину дальних-предальных столетий. Да, с принятием христианства решительно поменялся цивилизованный, духовно-нравственный облик Руси, она стала теснее взаимодействовать с просвещённой Европой, с иными мирами и странами. Но означает ли, что до этого судьбоносного события наши предки проживали в каменных пещерах, дикими и неотесанными хаживали по полям и лесным дебрям в звериных шкурах и понятия не имели о письменности, культуре, искусстве и прочих ценностных обретениях духа?.. Думаю, вопрос риторический. Исторические факты убедительно свидетельствуют, что и наша Русь пребывала в состоянии особого высокого духовно-нравственного развития. Из академических исторических трудов великого русского учёного Б. М. Рыбакова узнаём, что наши дальние предтечи эпохи язычества не только отличались своим многобожием, но и могли прекрасно говорить и писать, т. е. владели письменностью, и даже изобрели нотную грамоту. Спасибо, конечно, мудрым старцам Кириллу и Мефодию, подарившим

нашим предкам славянскую вязь письма. Но вот замечательный писатель Владимир Чивилихин в своем романе-эссе «Память» чётко и ясно показал: найденные не так давно Орхоно-Енисейские письмена в Восточно-Сибирской низменности доказывают существование крупнейшей древней цивилизации славян, живших, ни много ни мало 30 (!) тысяч лет тому назад. Это ли не убеждает в том, что мы, современники, как писал возмущённый Пушкин о нашем невежественном пренебрежении к собственной истории, безобразно ленивы и не любопытны, нуждаемся в серьёзном лечении от исторической амнезии?..

Зная о моих кубанских казачьих корнях, Валерий Александрович как-то пошутил: «Вы, Владимир Александрович, не можете быть до конца влюблены в мою прозу. Почему? Да потому, что я не написал ни одной вещи о вашем родном Кубанском крае, хотя весьма осведомлён, в том числе из ваших уст, о его изумительной красоте, о драматической истории кубанского казачества. Считаю себя виноватым перед вами и читателями. Признаюсь: я давно вынашиваю мысль описать освоение кубанских степей и предгорий удалыми русскими казаками. Мне очень не нравится распространённое, в корне неверное выражение — «завоевание русскими Северного Кавказа». Какое же это «завоевание», если ценою своей немало пролитой крови и великих созидательных

трудов Россия уберегла от турецкой агрессии многие горские народы, обеспечив им свободу и независимость? К несчастью, не все это хотят знать и помнить. Вот и тянет меня воскресить эту важную и актуальную страницу русской истории в назидание беспамятным потомкам. По велению императрицы матушки Екатерины удалые казаки, известно, не только защитили южные рубежи России, но и в короткое по историческим меркам время своим праведным трудом заложили крепкую основу для превращения Кавказского предгорья в прекрасную, развитую цивилизацию».

...К горькому сожалению, жизненный путь Валерия Александровича оборвался. Многие его творческие замыслы не сбылись. Однако одухотворённая высокими идеалами мужества и патриотизма героико-романтическая литература не канула в вечность в наше время господства повального нигилизма и псевдолитературы приземлённого реализма, с её неимоверной, патологической тягой к «мелким подкожным бытовым противоречиям» (Вл. Бондаренко). Валерий Замыслов исповедовал принципы и методологию русской классической героико-романтической литературы и потому, уверен, его книгам суждена долгая-предолгая жизнь.

Владимир ЮДИН,
доктор филологических наук, профессор,
Тверь